

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Б86

Rhys Bowen
HER ROYAL SPYNESS

Перевела с английского
Вера Полищук

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Екатерина Скворцова

Издательство выражает благодарность литературному агентству Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Боуэн Р.

Б86 Дворцовый переполох : [роман] / Риз Боуэн; [пер. с англ. В. Полищук]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 384 с. — (Серия «Шпионка Ее Величества»).

ISBN 978-5-907143-10-4

Англия 1930-е годы. Леди Джорджиана Раннохская, родственница Георга V и тридцать четвертая претендентка в очереди на британский престол, оставшись без гроша в кармане, переезжает из фамильного шотландского замка в Лондон, чтобы окунуться в городскую жизнь. В столице Джорджи ждут сюрпризы: сама королева обращается к ней с необычной просьбой, в ванной комнате ее лондонского дома обнаруживается труп неизвестного француза, а на горизонте появляется загадочный аристократ.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Janet Quin-Harkin, 2008
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

978-5-907143-10-4

ГЛАВА 1

*Замок Риннок, графство Пертшир,
Шотландия
Апрель 1932 года*

В жизни младшей родственницы королевской семьи есть два главных неудобства.

Во-первых, от тебя ждут поведения, привычного для особ королевской крови, а денег никто на это не ассигнует. Ты должна открывать торжества, целовать младенцев, ездить в Балморал¹, раздевшись, как подобает, должна носить шлейфы на свадьбах. А вот зарабатывать на жизнь как простые смертные нельзя! Например, как мне предстояло узнать в скором времени, королевским особам категорически не позволено стоять за прилавком в косметическом отделе «Хэрродса»².

Когда я осмеливаюсь обратить внимание на такую несправедливость, мне тотчас же напоминают о том,

¹ Замок Балморал — традиционная резиденция королевского семейства в Шотландии. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Лондонский модный универсальный магазин, один из самых крупных в мире.

что у меня в списке несправедливостей числится под номером два. Все уверены, что для девушки из рода Виндзоров существует только один достойный путь устроить свою судьбу — выйти замуж за отпрыска другого королевского дома. Похоже, их и сейчас в Европе полным-полно, хотя по-настоящему правящих монархов можно пересчитать по пальцам. И, кстати, в наше беспокойное время Виндзоры, даже самые незначительные родственники вроде меня, остаются лакомым кусочком для тех, кому нужен, пусть и слабый, союз с Британией. Я со всех сторон слышу, что мой долг — составить партию какому-нибудь пучеглазому, рахитичному полудурку со скошенным подбородком, но непременно королевской крови, и все ради того, чтобы установить дружественные связи с потенциальным врагом нашей страны. Кузина Аликс³, бедняжка, так и поступила. Ее трагическая судьба послужила мне уроком.

Полагаю, прежде чем продолжать, надо представиться. Я — Виктория Джорджиана Шарлотта Евгения, дочь герцога Гленгаррийского и Раннохского. Друзья зовут меня просто Джорджи. Бабушка была самой некрасивой из дочерей королевы Виктории, и потому ей не удалось заполучить жениха ни из русского, ни из германского царствующего дома, за что я благодарна судьбе, и она, как я думаю, тоже. Вместо этого

³ Аликс — дочь герцогини Алисы, дочери британской королевы Виктории, урождённая принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, впоследствии императрица Александра Федоровна, супруга Николая Второго.

ее выдали за мрачного шотландского барона, которому старая королева пожаловала герцогство, лишь бы сбить дурнушку с рук. В положенный срок бабуля добросовестно произвела на свет моего папеньку и только затем позволила себе поддаться болезням, которые возникают от кровосмешения и избытка свежего воздуха. Бабушку в живых я не застала, как не застала и шотландского жутковатого дедушку, хотя слуги клянутся, будто его неупокоенный дух блуждает по замку и по ночам играет на волынке (что странно, поскольку при жизни он играть на ней не умел). Когда я появилась на свет в нашем семейном замке Раннох, который всегда был еще неуютнее Балморала, папенька уже стал вторым герцогом и все свои силы тратил на прожигание фамильного состояния.

Он тоже в свою очередь исполнил долг и женился на дочери чрезвычайно корректного английского графа. Она родила ему моего братца, окинула взором безрадостные шотландские просторы, да и умерла. Заполучив наследника, папенька выкинул невообразимый курбет и снова женился — причем на актрисе, которая и стала моей матерью. В те времена молодежь вроде дядюшки Берти, ставшего впоследствии королем Эдуардом Седьмым, вовсю кутила с молоденькими актрисами. Такие интрижки не только позволялись, а даже приветствовались, но не браки! Однако, поскольку мама была доброй англиканкой из почтенной, хотя и скромной британской семьи, а над Европой уже сгущались свинцовые тучи Великой войны, пожениться влюбленным разрешили. Мама была представлена

королеве Марии, и та заявила, что для уроженки Эссекса невеста на удивление хорошо воспитана.

Однако брак моих родителей оказался недолговечным. Даже менее жизнелюбивые и непоседливые леди, чем моя матушка, долго не выдерживали в замке Раннох. Да и кто выдержал бы! Заунывный вой ветра в высоченных каминных трубах, шотландская клеточка обоев в уборных — все это навевает беспросветную тоску, а то и вовсе сводит с ума. Удивительно, что мама вообще сколько-то вытерпела в замке. Подозреваю, что ей попросту нравилось быть герцогиней. И лишь осознав, что быть герцогиней означает по полгода прозябать в Шотландии, мама решила на бунт. В первый раз это был аргентинский игрок в поло. Мне тогда было два года. Конечно, одним разом дело не ограничилось. Потом был француз-гонщик, трагически погибший в Монте-Карло, потом американский кинопродюсер, потом какой-то путешественник, а совсем недавно — немецкий, насколько я поняла, промышленник. С мамой я вижу время от времени, когда она кометой проносится через Лондон по пути в другие края. Каждый раз слой косметики на ее лице становится все толще, шляпки все экстравагантнее и дороже, а сама она все отчаяннее цепляется за былую молодость и красоту, некогда сводившую мужчин с ума. При встрече мы чмокаем друг дружку в щечку, щебечем о погоде, нарядах и о том, когда я наконец выйду замуж. Больше похоже на чаепитие с чужим человеком.

К счастью, у меня была добрая нянюшка, потому в замке Раннох мне жилось хотя и одиноко,

но не до ужаса тоскливо... Время от времени, когда маменька находила себе более-менее приличного мужа в какой-нибудь стране со здоровым климатом, меня отсылали к ней. Но все-таки моя мать не создана для материнства и к тому же на одном месте не засиживалась, поэтому замок Раннох стал для меня надежной гаванью, крепким тылом, пусть сумрачным и неуютным. Моего сводного брата по имени Хэмиш (более известного как Бинки) в нежном возрасте отослали в школу-интернат, где в обычае были холодный душ и пробежки ни свет ни заря — меры, совершенно необходимые для будущих лидеров нации. Вот и получилось, что брата я тоже едва знала. Как и отца, если уж на то пошло. После того, как мамин бунт стал достоянием общественности, отец отправился лечить разбитое сердце в Европу и колесил с одного курорта на другой, с вод на воды, от казино к казино, из Монте-Карло в Ниццу, пока в 1929 году не приключился печально известный обвал на бирже. Узнав, что он потерял остатки своего состояния, отец вернулся в Раннох, ушел далеко на болота и застрелился из охотничьего ружья, чем удивил всех, потому что стрелком он был никудышным.

Помню, как, получив известие о смерти отца, я изо всех сил старалась ощутить скорбь, но ничего не выходило. Я едва помнила его лицо. Я затосковала от мысли, что у меня не было и теперь уже не будет отца, который мог бы в трудную минуту стать моим советчиком и защитником. Страшно и тревожно было в девятнадцать лет оказаться предоставленной самой себе.

Бинки стал третьим герцогом, женился на скучной молодой особе с безупречной родословной и унаследовал замок Раннох. Меня тем временем отправили в швейцарский пансион, где я отлично проводила время в компании веселых подружек из числа сливок общества. Мы выучились бойко болтать по-французски, а больше почти ничему, разве что устраивать званые обеды, играть на фортепьяно и всегда держать спину прямо. В порядке дополнительных занятий спортом мы бегали курить за сторожку садовника и лазали через каменную ограду на свидания с лыжными инструкторами в местной закускойной.

К счастью, богатые родственники полностью оплатили мое обучение, что позволило мне оставаться в пансионе до того момента, пока меня не вывели в свет и не представили ко двору. На случай, если кто-то не знает, объясню: все девушки из приличных семей должны по достижении определенного возраста дебютировать в свете, то есть посещать балы, званые вечера и прочие развлечения, где их знакомят с молодыми людьми и официально представляют ко двору. Это такой способ вежливо объявить миру: «Смотрите, вот она, наша красавица! А теперь, ради бога, друзья, возьмите ее замуж и снимите эту обузу с нашей шеи».

Мой «выход в свет» — слишком громкое название для череды унылых танцулек, закончившейся балом в замке Раннох, который пришлось на охотничий сезон. Молодые люди, набегавшись за куропатками, валились к вечеру с ног, им было не до танцев. Мало кто

из них знал шотландские пляски, которые полагалось танцевать у нас в замке, а звуки волынки, доносившиеся на заре с северной башни, заставили нескольких кавалеров буквально на следующий день вспомнить о неотложных делах и срочно отбыть в Лондон. Нужно ли говорить, что ни одного достойного предложения руки и сердца не последовало, и вот в двадцать один год я поймала себя на том, что до сих пор торчу в замке Раннох и понятия не имею, как жить дальше.

ГЛАВА 2

Замок Раннох

Понедельник, 18 апреля 1932 года

Не знаю, часто ли мысль, которая коренным образом изменяет жизнь, приходит в голову в уборной? Должна сказать, что уборные в замке Раннох совсем не похожи на тесные закутки в обычных домах. Они здесь просторные, гулкие, с высоченными потолками, обоями в шотландскую клетку и старыми трубами, которые шипят, стонут, клацают и уже не раз были причиной сердечных приступов, а также случаев внезапного помешательства. Однажды обезумевший от страха гость сиганул из окошка в замковый ров. Да, кстати, окна в наших туалетах всегда открыты. Такова традиция замка Раннох.

Даже в лучшие времена замок не мог считаться уютным местом. Он расположен под огромной черной скалой, возвышающейся над берегом черного озера, а от сильных ветров его защищает темный и мрачный лес. Даже Вордсворт⁴, захвативший в замок в пору своих

⁴ Уильям Вордсворт (1770–1850) — английский поэт-романтик, относящийся к «озерной школе», мастер поэтического пейзажа, воспевавший природу.

странствий, не сумел выжать из себя ничего поэтического кроме двух строчек на клочке бумаги, который потом нашли в мусорной корзинке.

«От грозных гор до мрачной чащи,
Оставь надежду, всяк входящий».

Сейчас замок переживал далеко не лучшие времена. Стоял апрель, и повсюду, но только не у нас, расцвели нарциссы, яблони, вишни и «пасхальные шляпки»⁵. А в Раннохе шел снег — и отнюдь не прелестный легкий снежок, как в Швейцарии, а мокрые, тяжелые хлопья, которые липнут к одежде, так что мгновенно замерзает. Я целыми днями не выходила из дома. Мой братец Бинки еще со школьных времен был приучен к прогулкам в любую погоду и каждое утро упрямо разгуливал по окрестностям. Домой Бинки возвращался похожий на жутковатого снеговика, так что его сын Гектор, в домашнем обиходе известный как Пончик, при виде отца ударялся в слезы и звал няню.

В такую погоду лучше всего взять хорошую книжку и свернуться клубочком у пылающего очага. К сожалению, моя невестка, которую обычно называли Хилли, а за глаза — Занудой, решила экономить и не позволяла класть в камин больше одного полена. Экономия выходила неправильная, о чем я не уставала твердить Хилли. Деревья в нашем лесу то и дело валило ветром — дров было сколько угодно. Но Зануда помешалась на экономии. Как же, в мире тяжелые времена, надо подавать

⁵ Разновидность алиссума, невысокого садового растения, цветущего пышным цветом. Широко используется в английском садоводстве.